

Политическіе взгляды М. П. Драгоманова.

Le moyen d'avoir raison dans l'avenir est, à certaines heures, de savoir se résigner à être démodé.

Е. Ренап.

Чтобы восторжествовать въ будущемъ, нужно, въ извѣстныя минуты, имѣть терпѣніе побыть не въ модѣ.

Э. Ренапъ.

Въ Россіи мало знаютъ М. П. Драгоманова, хотя много говорятъ о немъ и часто упоминаютъ его имя. Меньше всего извѣстны его политическія и общественныя воззрѣнія.

Причины этого понятны. Драгомановъ покинулъ предѣлы Россіи въ 1875 г. и съ того времени до самой своей смерти въ 1895 году жилъ за границей на положеніи эмигранта. Въ русской прессѣ статьи его появлялись только подъ псевдонимами, не всегда извѣстными читателямъ и не всегда ими отгадываемыми. Подъ своимъ именемъ М. П. Драгомановъ могъ писать и писалъ только въ заграничной—иностранной, русской и украинской—прессѣ, а также въ отдѣльныхъ изданіяхъ.

Не обладая такимъ блестящимъ талантомъ, какъ Герценъ, М. П. Драгомановъ все-же широко развилъ за границей свою литературную, въ особенности публицистическую дѣятельность и откликнулся на многіе важнѣйшіе вопросы общественной жизни въ Россіи. Но непосредственнаго вліянія на широкіе общественные круги М. П. Драгомановъ не имѣлъ. Его брошюры и статьи мало доходили въ Россію и мало распространялись среди русскаго общества. М. П. Драгомановъ стоялъ особнякомъ отъ крайняго крыла русскаго освободительнаго движенія 1870-хъ годовъ, относился къ нѣкоторымъ программнымъ вопросамъ его критически и даже отрицательно. Среди активныхъ дѣятелей этого движенія М. П. Драгомановъ поэтому не только не могъ находить поддержки, но часто встрѣчалъ даже враждебное отношеніе. Они не могли,

естественно, взятыя за распространеніе сочиненій М. П. Драгоманова. Тѣ же общественные круги, къ которымъ Драгомановъ былъ болѣе близокъ въ идейномъ отношеніи, или проявляли мало активности, чтобы организовать распространеніе произведеній Драгоманова, или же интересовались главнымъ образомъ той стороною его дѣятельности, которая имѣла въ виду украинское національное движеніе.

Большая популярность идей М. П. Драгоманова въ Россіи начинается съ половины 1880-хъ годовъ. Украинскую молодежь уже не удовлетворяло прежнее культурное украинофильство. Она, особенно въ Кіевѣ, стала изучать Драгоманова и воспитываться на его идеяхъ, проникнутыхъ не только культурнымъ, но политическимъ и социальнымъ элементами. Участіе М. П. Драгоманова въ галицкой украинской радикально-соціалистической печати сдѣлало его однимъ изъ главнѣйшихъ вождей радикально-соціалистическаго направленія въ украинскомъ движеніи не только въ Галиціи, но и въ російской Украинѣ. Украинская молодежь интересовалась и распространяла главнымъ образомъ тѣ произведенія Драгоманова, которыя имѣли отношеніе къ украинскому національному вопросу.

Вотъ почему М. П. Драгомановъ извѣстенъ больше какъ писатель украинскій по преимуществу. За предѣлами украинскаго національнаго движенія значеніе его какъ-то ступшевывается. А между тѣмъ оно гораздо шире. Драгомановъ представляетъ собой крупное и оригинальное явленіе не только въ украинской, но и въ русской общестственности.

Въ настоящее время трудно опредѣлить значеніе Драгоманова. Слишкомъ близко то время, когда онъ жилъ, чтобы можно было взглянуть на дѣятельность Драгоманова въ надлежщей исторической перспективѣ.

Драгомановъ не принадлежалъ ни къ какой политической партіи. Самъ онъ также не создалъ партіи. Это, однако, не мѣшаетъ признать за нимъ крупную и оригинальную роль въ исторіи русскаго общественнаго движенія и политическаго развитія. Политическое и общественное міросозерцаніе Драгоманова складывалось постепенно и вполне самостоятельно. Широкая европейская образованность, съ одной стороны, крупный критическій и творческій умъ вмѣстѣ со смѣлостью мыслителя—съ дру-

гой помогли этому. Они же поставили Драгоманова на долгое время какъ-то особнякомъ. Для многихъ Драгомановъ казался загадкой. Трудно представить другого общественнаго дѣятеля, относительно котораго существовали бы такія разнородныя сужденія. Одни считали Драгоманова „нигилистомъ“ и „террористомъ“, и ему приходилось разувѣрять ихъ, другіе—„конституціоналистомъ“ и врагомъ социалистовъ и революціонеровъ. Проф. В. И. Ламанскій обвинялъ Драгоманова въ австрофильскихъ стремленіямъ, а галиційскіе украинцы, не понимавшіе высокаго мнѣнія Драгоманова о русской литературѣ и необходимости ея изученія для украинцевъ, называли его „обрустителемъ“ и даже агентомъ, посланнымъ за границу русскимъ правительствомъ, чтобы скомпрометтировать украинское дѣло социализмомъ. „Земскій союзъ“ избралъ Драгоманова редакторомъ своего органа, а кievскіе украинофилы, близкіе къ „Земскому союзу“, находили дѣятельность Драгоманова вредной (шкредливой) и т. д. Мы не говоримъ уже о тѣхъ небылицахъ, которыя распространяла и до сихъ поръ иногда распространяетъ о Драгомановѣ русская консервативная пресса.

Все это показываетъ, насколько мало понимали міросозерцаніе Драгоманова его современники. Но это еще не значитъ, что взгляды Драгоманова проходили и прошли безслѣдно. Украинское молодое поколѣніе конца 1880-хъ и въ началѣ 1890-хъ годовъ уже воспитывалось на Драгомановѣ. Многіе взгляды Драгоманова, вызывавшіе когда-то рѣзкую оппозицію, сдѣлались въ послѣдствіи руководящими у значительныхъ клубовъ общественныхъ дѣятелей. Современемъ историкъ общественной мысли опредѣлитъ, конечно, сказалось ли въ этомъ случаѣ вліяніе Драгоманова, хотя бы отчасти, или же Драгомановъ только раньше другихъ высказывалъ и предвидѣлъ то, къ чему, независимо отъ него, пришли въ послѣдствіи и другіе¹⁾. И въ этомъ случаѣ, думаемъ, взгляды Драгоманова не лишены своего значенія и интереса.

Нельзя, само собой разумѣется, смотрѣть на Драгоманова какъ на пророка, изрекавшаго непогрѣшимыя исти-

¹⁾ Эта мысль высказана въ привѣтствіи Драгоманову по случаю 30-лѣтія его научной дѣятельности, подписанномъ Сергѣемъ Степнякомъ, Егоромъ Лазаревымъ и Феликсомъ Волховскимъ (М. Павлик. М. П. Драгоманов. 1845—1895. Его юбилей, смерть, автобіографія і спис творів. Львів. 1896. Стр. 86—87).

ны. Драгомановъ и его взгляды—явленіе, принадлежащее уже исторіи. Они родились и развивались въ эпоху, которая уже прожила, и носятъ на себѣ слѣды и вліяніе этой эпохи. Взгляды Драгоманова могутъ быть поэтому правильно изучены и поняты только въ связи съ тѣми временемъ и тѣми обстоятельствами, въ которыхъ ему приходилось жить и дѣйствовать. Наше время значительно ушло впередъ, многіе вопросы углубились; взгляды Драгоманова подлежатъ критикѣ, пересмотру. Въ этомъ случаѣ нельзя не согласиться съ близкимъ къ М. П. Драгоманову челоуѣкомъ и его ученикомъ д-ромъ И. Франкомъ. „Намъ,—пишетъ д-ръ И. Франко,—непосредственнымъ потомкамъ и наслѣдникамъ духовнаго наслѣдства М. П. Драгоманова, не менѣе важно видѣть недостатки и пробѣлы въ идеалахъ Драгоманова, какъ и ихъ положительныя стороны. Тѣ „драгомановцы“, которые изъ имени Драгоманова и его произведеній дѣлаютъ какой-то фетишъ, который при всякомъ удобномъ случаѣ можно только хвалить, но никакъ не критиковать, дѣлаютъ этимъ плохую услугу не только украинскому національному развитію, но также и репутаціи „драгомановской школы“¹⁾. И. Франко писалъ это въ 1905 году. Съ того времени замѣчается къ Драгоманову отношеніе болѣе критическое и научно-объективное. Этому немало способствовало то обстоятельство, что сочиненія М. П. Драгоманова, особенно политическія, сдѣлались болѣе доступными для публики.

„Политическія сочиненія М. П. Драгоманова“ были впервые собраны и изданы за границей, редакціей „Освобожденія“ въ 2-хъ томахъ, „по инициативѣ и на средства украинцевъ - демократовъ“²⁾. Редакторъ „Освобожденія“ П. Б. Струве такъ опредѣлялъ значеніе политической дѣятельности М. П. Драгоманова: „Драгомановъ,—писалъ П. Б. Струве отъ имени редакціи „Освобожденія“ въ предисловіи къ 1-му тому „Политическихъ сочиненій“,—первый изъ русскихъ публицистовъ далъ русской демократіи широкую и ясную политическую программу. Онъ первый рѣзко и отчетливо выяснилъ русскому обществу смыслъ и значе-

¹⁾ Ив. Франко. Суспільно-політичні погляди М. Драгоманова, „Літ.-Наук. Вістн.“ Львів. 1906 г. Кн. VIII, стр. 226—241.

²⁾ Собраніе политическихъ сочиненій М. П. Драгоманова. 2 тома. Paris. 1905—1906. Ко второму тому приложена обширная біографія М. П. Драгоманова (VIII—LIX стр.), принадлежащая перу г. Б. К.

ніе конституціоннаго порядка и, въ особенности, правъ личности, начало самоуправленія. Но онъ былъ только формальнымъ конституціоналистомъ и чисто политическимъ демократомъ. Человѣкъ большихъ знаній и глубокой политической мыслитель, онъ понималъ, что отъ такого теченія мысли и жизни, какъ социализмъ, нельзя и даже смѣшно отдѣлываться отрицаніемъ. Будучи и въ политикѣ настоящимъ ученымъ, онъ ясно улавливалъ всю огромную важность и сложность социальной борьбы нашего времени, и вопросъ о социализмѣ онъ ставилъ какъ проблему политическаго и социально-экономическаго творчества, осуществленнаго въ реальной политикѣ. Въ этомъ смыслѣ онъ былъ представителемъ не псевдо-научнаго, доктринальнаго, а истинно-научнаго, или позитивнаго социализма“.

Въ 1908 г. въ Москвѣ было предпринято изданіе „Политическихъ сочиненій М. П. Драгоманова“ подъ редакціей проф. И. М. Гревса и Б. А. Кистяковского. Изданіе предполагалось въ четырехъ томахъ и должно было вмѣщать въ себѣ и сочиненія, изданныя редакціей „Освобожденія“. Но вышелъ только одинъ первый томъ съ портретомъ М. П. Драгоманова, съ обстоятельной біографіей и характеристикой его какъ литературнаго и общественнаго дѣятеля, написанной живо и интересно Б. А. Кистяковскимъ. Въ первомъ томѣ собраны статьи, касающіяся взаимныхъ отношеній центра и окраинъ въ Россіи и затѣмъ Галиціи. Статьи эти не потеряли своего значенія и для нашего времени. Какъ извѣстно, вопросъ объ отношеніяхъ между центромъ и окраинами засталъ русское общество совершенно врасплохъ послѣ 17-го октября 1905 г. Русское правительство и общество на окраинѣ видѣло только Польшу. Думали, что, рѣшивъ вопросъ о Польшѣ, регулируютъ вообще окраинный вопросъ. Интересы Литвы, Бѣлороссіи, Украины не принимались во вниманіе и были русскому обществу неизвѣстны. На важность ихъ между тѣмъ давно указывалъ Драгомановъ. „Съ какой стороны ни возьмемъ,—писалъ онъ еще въ 1872 г.,—вопросъ о децентрализаціи и національностяхъ вовсе не праздный, а весьма существенный вопросъ для Россіи“ (т. I, 205). Жизнь въ концѣ-концовъ властно поставила свои требованія, и вопросъ о правахъ разныхъ національностей въ Россіи шире уже начинаетъ ставиться прогрессивной частью рус-

скаго общества, а не сводится только къ правамъ Польши и Финляндіи, какъ раньше.

Что касается отношеній въ Галиціи, то, какъ замѣчаетъ Б. А. Кистяковскій, „Драгомановъ неопровержимо доказываетъ, что культурное единство галицкихъ русиновъ съ русской націей въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова можетъ возсоздаться только путемъ украинства, т.-е. посредствомъ украинской литературы и украинскихъ культурныхъ формъ. Напротивъ, насажденіе великорусскаго языка и великорусскихъ литературныхъ и культурныхъ формъ, которыя за отсутствіемъ надлежащей почвы не могутъ развиваться и осуждены на прозябаніе, создаетъ только деморализацію и обостряетъ національные антагонизмы“¹⁾.

Изданіе „Политическихъ сочиненій М. П. Драгоманова“ подъ редакціей проф. И. М. Гревса и Б. А. Кистяковского остановилось, къ сожалѣнію, пока на первомъ томѣ, и, кажется, въ настоящее время мало надежды на то, чтобы оно было продолжено. Между тѣмъ оно, несомнѣнно, необходимо въ интересахъ болѣе широкаго политическаго воспитанія обновляющейся Россіи.

Политическіе и общественные свои взгляды П. М. Драгомановъ высказывалъ и обосновывалъ постепенно, по мѣрѣ того, какъ жизнь выдвигала тѣ или другіе вопросы. При такихъ условіяхъ пробѣлы неизбежны. Тѣмъ не менѣе рѣдко у кого изъ современныхъ общественныхъ дѣятелей по ихъ литературнымъ трудамъ можно съ такой полнотой, стройностью и послѣдовательностью возстановить ихъ политическое и общественное міросозерцаніе, какъ у М. П. Драгоманова. На много общественныхъ вопросовъ онъ откликался, ставилъ и разбиралъ ихъ широко и всесторонне. Благодаря этому многія статьи Драгоманова не потеряли своей свѣжести, интереса и значенія и въ наше время, когда прошло уже много лѣтъ послѣ ихъ появленія и, казалось бы, рѣзко измѣнились условія жизни.

Критическое изученіе политическихъ взглядовъ М. П. Драгоманова потребовало бы много мѣста и времени. Врядъ ли оно и можетъ быть произведено объективно и безпристрастно. Вопросы, которыхъ касался М. П. Дра-

¹⁾ М. П. Драгомановъ. Политическія сочиненія. Москва. 1908 г., т. I, стр. LXXX.

гомановъ, не рѣшены и въ наше время и составляютъ въ жизни предметъ жаркой политической борьбы разныхъ партій. Мы ограничимся поэтому только изложеніемъ наиболѣе существенныхъ политическихъ взглядовъ М. П. Драгоманова, не входя въ ихъ оцѣнку. Самъ Драгомановъ не считалъ своего слова послѣднимъ. Онъ былъ эволюционистомъ по убѣжденію. Единственно правильнымъ считалъ онъ только тотъ взглядъ, который руководитъ всею наукою. На свѣтѣ нѣтъ ничего постоянного, стоячаго (статичнаго); вездѣ видна перемѣна (эволюція), движеніе (динамика). „Вся практическая мудрость людская, — говоритъ Драгомановъ въ своихъ „Чудацкихъ думках“, — можетъ быть только въ томъ, чтобы замѣтить направленіе мірового движенія, его размѣры, законы, и пользоваться тѣмъ движеніемъ. Иначе движеніе то пойдетъ противъ насъ, раздавитъ насъ“.

Въ основѣ міросозерцанія М. П. Драгоманова лежалъ социализмъ какъ идеалъ. Драгомановъ считалъ, однако, возможнымъ достиженіе его только въ извѣстной постепенности и при высококомъ развитіи массъ¹⁾. „Сколько бы ни говорили, что социальный вопросъ есть „вопросъ желудка“, а потому будто бы легко понятный для всѣхъ, — замѣчаетъ онъ, — но вопросъ не самаго непосредственнаго голода, а организациі постепеннаго спасенія людей отъ этого голода есть одинъ изъ самыхъ сложныхъ вопросовъ, а потому и одинъ изъ тѣхъ, которые требуютъ много времени для уясненія и разрѣшенія, даже теоретическаго“. Драгомановъ поэтому отрицалъ совершенно возможность разрѣшать социальный вопросъ путемъ возстаній.

Исходные пункты своего политическаго міросозерцанія Драгомановъ изложилъ въ „Переднемъ слові“ до „Громады“. Его конечнымъ, очень отдаленнымъ, правда, идеаломъ было, какъ онъ выражается, „безначальство“: своя воля каждому, свободное общество и товарищество людей и товарищество. „Въ товариществѣ, въ равенствѣ и въ совмѣстномъ (спільному) господствѣ надъ всѣмъ, что необходимо людямъ, — говоритъ онъ, — заключается корень воли и для людей, которые имѣютъ свои государства, и для тѣхъ, которые его не имѣютъ“. Большая группа (купа) людей „не можетъ, однако, быть однимъ товариществомъ; въ противномъ случаѣ она перестала бы быть и

1) Автобіографія Драгоманова въ „Быломъ“, 1906 г., іюнь, стр. 206.

вольнымъ товариществомъ. Она должна сдѣлаться товариществомъ товариществъ, союзомъ (спілкою) общинъ (громадъ), свободныхъ во всѣхъ дѣлахъ; въ противномъ случаѣ какія-нибудь общины (громады) будутъ принуждены дѣлать не то, что они хотятъ и не тамъ, гдѣ они хотятъ“. „Не будетъ равной свободы и тогда, когда кто-нибудь будетъ во всемъ дѣлать за другого, какъ это бываетъ въ выборныхъ государствахъ (в виборних державах). Выборный тогда только не сдѣлается начальствомъ, когда онъ просто сдѣлаетъ то дѣло, за которымъ выслалъ его другой, напередъ знавшій, что то за дѣло, и указавшій, какъ его нужно сдѣлать. Изъ этого ясно,—продолжаетъ Драгомановъ,—что на самомъ дѣлѣ свободными могутъ быть только маленькія государства или, лучше сказать, общины (громады), товарищества. На самомъ дѣлѣ, вольнымъ союзомъ можетъ быть только союзъ товариществъ, которыя непосредственно или черезъ выборныхъ людей въ каждомъ особомъ случаѣ, для каждаго дѣла, обращаются за помощью, обѣщая ее съ своей стороны, къ другимъ товариществамъ, съ которыми имъ ближе всего, легче всего и выгоднѣе быть въ союзѣ для необходимыхъ имъ дѣлъ“. „Община (громада) тоже только тогда будетъ дорога каждому, когда та не будетъ никого принуждать къ тому, чтобы быть въ ней или не быть. Община (громада) должна быть союзомъ свободныхъ личностей. Дойти до того, чтобы союзы людей, большіе и малые, составлялись изъ такихъ вольныхъ людей, которые добровольно сходились бы для совмѣстной работы и помощи въ свободныя товарищества,—это, по мнѣнію М. П. Драгоманова, и есть та цѣль, къ которой стремятся люди и которая совсѣмъ не похожа на теперешнія государства, свои или чужія, выборныя или не выборныя“¹⁾. Драгомановъ называетъ эту цѣль, какъ мы видѣли, безначальствомъ; въ переводѣ на употребительный языкъ это будетъ анархизмъ. Но цѣль эта возможна только какъ идеаль, осуществленіе котораго лежитъ въ очень отдаленномъ будущемъ. Въ настоящее время существуетъ государство, и Драгомановъ имѣлъ его въ виду, когда развивалъ свои политическіе и общественные взгляды.

Для государства и его правильнаго прогрессивнаго раз-

¹⁾ „Передне слово“ до „Громади“, Женева, 1878, стр. 39—41.

витія нужна политическая свобода. „Политическая свобода,— говорил Драгомановъ,— это прежде всего совокупность извѣстныхъ правъ личныхъ, неотъемлемыхъ ни для кого, ни даже для воли народа, потомъ правъ группъ, самоуправленіе общинъ и областей“¹⁾. „Такъ какъ общество состоитъ прежде всего изъ лицъ, а народъ (нація) изъ обществъ, а государство (которое часто называютъ народомъ въ политическомъ смыслѣ) часто изъ разныхъ народовъ, то политическая свобода должна прежде всего состоять изъ разныхъ круговъ учреждений, которыя бы, не закрывая одинъ другого, обеспечивали свободу лицъ, обществъ и народовъ“²⁾.

Россия, какъ государство, состоитъ изъ многихъ народовъ. „На пути своего расширенія русское государство приняло въ себя различныя области и племена, изъ коихъ иныя были гуще населены и больше образованы, чѣмъ коренныя; многія добровольно присоединились къ русскому государству, ища въ немъ защиты отъ чужеземцевъ“³⁾. Вопросъ о децентрализаціи и національностяхъ вовсе не праздный, а весьма существенный для Россіи. Какъ же обезпечить свободу этимъ національностямъ?

Путь къ этому, по мнѣнію Драгоманова, лежитъ не въ сепаратизмѣ, а въ федерализмѣ. Драгомановъ всегда рѣшительно высказывался противъ сепаратизма и сепаратистическихъ стремленій, понимая подъ ними „стремленіе къ государственной обособленности, которое можетъ проявиться и безъ всякой этнографическо-національной окраски, какъ это было, напр., во время возстанія южныхъ штатовъ Сѣверо-Американскаго союза, когда именно и вошло въ моду слово сепаратизмъ и когда дѣло шло о томъ, чтобы собственно въ одной національности сдѣлать два государства“⁴⁾. Съ принципиальной стороны противъ сепаратизма Драгомановъ ничего не имѣлъ. „Въ принципѣ,— говоритъ онъ,— не только всякая нація или племя имѣетъ право на особое государство, но даже всякое село. Есть же и до сихъ поръ посреди Италіи республика С.-Марино, и, вѣроятно, население ея имѣетъ свои основанія, чтобы

1) Парижское изданіе сочиненій Драгоманова, т. I, стр. 218.

2) Тамъ же, стр. 259.

3) М. П. Драгомановъ. Политич. сочиненія. Москва. 1908 г., т. I, стр. 204 и слѣд.

4) „Листи на Наддніпрянську Україну“ Михайла Драгоманова. Коломия, 1899 г., стр. 75.

оставаться отдѣльнымъ государствомъ. Захотѣли двѣ части Апенцеля подѣлиться на особые полукантоны и живутъ такъ, и т. д., и т. д.,—то почему бы не то, что Украинѣ, а даже Миргороду и Сорочинцамъ не быть особыми государствами, если бы они этого захотѣли и имѣли силу поставить на своемъ?“¹⁾ Драгомановъ отрицалъ сепаратизмъ съ практической точки зрѣнія или какъ нецѣлесообразный и невыгодный, какъ въ Польшѣ, или какъ не имѣющій подъ собой никакого реального основанія, какъ на Украинѣ. „Польскій край въ Россіи,—говоритъ Драгомановъ,—можетъ получить автономію, равно какъ и всю сумму правъ, составляющихъ сущность политической свободы, только вмѣстѣ съ другими краями этого государства“²⁾. То же самое онъ говоритъ и про украинцевъ. По его мнѣнію, „сколько-нибудь реальное пониманіе положенія и интересовъ украинскаго населенія должно привести къ убѣжденію, что не только въ настоящее время свобода и развитіе его тѣсно связаны съ свободою и развитіемъ другихъ населеній Россіи, но что и вообще отдѣленіе украинскаго населенія отъ другихъ областей Россіи въ особое государство (политическій сепаратизмъ) есть вещь не только во всякомъ случаѣ крайне трудная, если не невозможная,—но, при извѣстныхъ условіяхъ, вовсе ненужная для какихъ бы то ни было интересовъ украинскаго народа“³⁾.

Для украинскихъ дѣятелей Драгомановъ находилъ поэтому „благоразумнѣе по политическому вопросу усвоить программу не сепаратистическую, а федералистическую, въ каждомъ государствѣ,—въ Россіи, въ Галиціи, въ Буковинѣ, въ Венгріи,—сообразную съ мѣстными условіями и въ союзѣ съ мѣстными демократическо-федеральными элементами“.

Не видя почвы для государственнаго украинскаго сепаратизма, Драгомановъ былъ и всегда оставался приверженцемъ политической автономіи украинцевъ, въ формѣ автономіи земской (selfgovernment): общинъ (громадь), уѣздовъ, областей⁴⁾.

Политическую свободу въ Россіи всѣ національности, по мнѣнію Драгоманова, могутъ получить, только объединив-

1) Тамъ же, стр. 75—76.

2) Парижское изданіе сочиненій Драгоманова, т. I, стр. 255.

3) Тамъ же, стр. 301.

4) Тамъ же, стр. 77.

шись съ лучшими русскими людьми на ясно сознанной программѣ, которая должна быть федеральною, съ признаніемъ полной равноправности всѣхъ областей и національностей ¹⁾). На упреки по этому поводу въ объединительствѣ Драгомановъ отвѣчалъ въ „Чудацкихъ думкахъ“: „Я, въ самомъ дѣлѣ, всегда хотѣлъ видѣть объединеніе просвѣщенныхъ, хорошихъ и честныхъ людей на нашей родинѣ и по сосѣднимъ странамъ и народамъ возлѣ работы для свободы, просвѣщенія, улучшенія жизни всѣхъ тамошнихъ людей; всегда я боролся противъ всякаго разъединенія, которое вноситъ среди людей неволя, непросвѣщенность и слѣпое самолюбіе, даже и тогда, когда всѣ эти темныя силы прикрываются одеждою народолюбства“.

Драгомановъ составилъ и проектъ федеральнаго устройства Россіи. Хотя проектъ этотъ касается „основъ политическаго переустройства Россіи и необходимѣйшихъ для нея соціально-экономическихъ реформъ“, но ему приданъ характеръ программы, приспособленной къ краю, наиболѣе извѣстному Драгоманову и „населенному преимущественно украинскимъ или малорусскимъ племенемъ, отъ восточныхъ уѣздовъ Царства Польскаго до предгорій Кавказа“ ²⁾). Проектъ федеральнаго устройства изложенъ въ видѣ устава украинскаго политическаго общества и носить названіе Вольнаго Союза (Вільна Спілка). Основныя идеи такого общества Драгомановъ видѣлъ еще въ „обществѣ соединенныхъ славянъ 1824—1825 г.“ и затѣмъ въ Кирилло-Меѳодіевскомъ братствѣ 1840-хъ годовъ.

Достиженіе политической свободы, „безъ которой невозможно успѣшное движеніе Россіи ни внѣшнее, ни внутреннее“, должно составлять главную задачу „союза“. Введеніе конституціоннаго образа правленія еще не означаетъ, что политическая свобода лица, какъ „прежде всего свобода лица, его вѣры, равно какъ и невѣрія, его группированія съ другими“, осуществлена. „Самодержавный парламентъ, извѣстнымъ образомъ составленный, — замѣчаетъ Драгомановъ, — можетъ всего этого и не дать и даже по большей части не даетъ, особенно въ централизованныхъ государствахъ“. Поэтому для всѣхъ народностей, населяющихъ Россію, въ высшей степени важно не только провоз-

1) Парижское изданіе сочиненій Драгоманова, т. I, стр. 255.

2) Парижское изданіе сочиненій Драгоманова, т. I, стр. 276—277.

глашеніе личной неприкосновенности, но и широкая организациа мѣстнаго самоуправленія. Только при этихъ двухъ условіяхъ, по мнѣнію Драгоманова, и возможна какая-нибудь дѣйствительная политическая свобода. Интеллигентные конституціоналисты заняты мыслью больше о верхушкахъ конституціоннаго зданія и оставляютъ безъ вниманія разработку вопроса о нижнихъ его этажахъ, наиболѣе близкихъ простому народу. Между тѣмъ только съ широкимъ развитіемъ мѣстнаго самоуправления можетъ быть заполнена та пропасть, которая отдѣляетъ конституціонныя стремленія интеллигенціи отъ народа и устранена опасность, чтобы парламентъ (земскій соборъ) „не сдѣлался новымъ орудіемъ централизаціи и источникомъ новой бюрократіи и насилія надъ личностями и мѣстностями“. Развитіе мѣстнаго самоуправления,—говоритъ Драгомановъ,—„необходимо въ Россіи тѣмъ болѣе, что при разбросанности ея населенія и слабости его образованія въ этой странѣ болѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь, угрожаетъ опасность подтасовокъ центральнаго правительства, а также всякаго рода направленныхъ на него *coup d'état*, отъ чего это представительство можетъ быть охранено только тогда, когда оно будетъ связано съ народными массами не формально, моментальными, болѣе или менѣе механическими выборами, а реально, постояннымъ дѣйствіемъ посредствующихъ органовъ мѣстнаго самоуправления и когда это послѣднее живо заинтересуетъ населеніе въ дѣлѣ коллективнаго правленія“¹⁾.

Обезпеченіе личныхъ правъ и общиннаго, и мѣстнаго самоуправления служить,—думаетъ Драгомановъ,—лучшей гарантіей и правъ національныхъ, которыя, въ сущности, не что иное, какъ права личныя²⁾.

Наиболѣе цѣлесообразнымъ государственнымъ устройствомъ для Россіи Драгомановъ считаетъ федерацію областей въ видѣ россійскаго государственнаго союза³⁾ на подобіе Швейцаріи съ Государственной Думой и Союзной Думой, соответствующими швейцарскимъ *Nationalrath*'у и *Ständerath*'у. Государственное устройство Швейцаріи, въ которой долго жилъ Драгомановъ, оказало большое вліяніе на выработку его политическихъ взглядовъ и на составленный имъ проектъ „Вільной Спілки“, гораздо большее,

1) Парижское изданіе сочиненій Драгоманова, т. I, стр. 339.

2) Тамъ же, т. I, стр. 262.

3) Тамъ же, т. I, стр. 285.

чѣмъ, напимѣрь, государственное устройство Сѣверо-Американскихъ Штатовъ. Это видно изъ того, что Драгомановъ въ своихъ разъясненіяхъ къ проекту „Вільной Спѣлки“ подробнѣе и основательнѣе говоритъ о Швейцаріи, чѣмъ о Сѣверной Америкѣ¹⁾). Несомнѣнно также, что подѣ влияніемъ швейцарскаго государственнаго устройства Драгомановъ въ основу дѣленія на области положилъ не національный, а территориальный принципъ, гдѣ многія области, подобно швейцарскимъ кантонамъ, имѣютъ смѣшанный національный составъ²⁾). Въ этомъ отношеніи Драгомановъ рѣзко расходится съ современными украинскими политиками, — напр., съ проф. М. С. Грушевскимъ, который выставляетъ національно-территориальный принципъ для областного дѣленія государства и отстаиваетъ широкую децентрализацию государства и организацию самоуправления въ национальныхъ территорияхъ, опредѣляемыхъ ихъ национальными границами“. Только такимъ путемъ, по мнѣнію проф. М. С. Грушевскаго, можно „создать такія условія, въ которыхъ народности государства получили бы возможность своего національнаго развитія и не были бы въ немъ стѣсняемы“³⁾).

Драгомановъ принципиально также не былъ противникомъ національно-территориальнаго принципа и находилъ вполне естественнымъ дѣленіе областей по національностямъ въ государствахъ разнонациональныхъ. Относительно Польши, напр., онъ не соглашался съ польскими националистами, отрицалъ объединеніе Польши исторической, а признавалъ только этнографическую. „Края, лежащіе за границами этнографической Польши, — говорилъ онъ, — должны получить свою автономію, и польскій вопросъ въ этихъ краяхъ можетъ быть только вопросомъ о правахъ польскихъ лицъ и обществъ или, мѣстами, общинъ и колоній“. Драгомановъ стоялъ поэтому за выдѣленіе Холмщины изъ Царства Польскаго, „такъ какъ Холмско-сѣдлецкій край населенъ не поляками, а украинцами и даже до раздѣловъ польскаго государства входилъ въ составъ Литвы“⁴⁾). Но „априорное раздѣленіе Россіи, по этнографической картѣ, на области съ созданиемъ въ каждой изъ нихъ своего

1) Ср. т. I, стр. 321, 324, 326—328.

2) Парижское изданіе сочиненій Драгоманова, т. I, стр. 316—317.

3) Проф. Мих. Грушевскій, Освобожденіе Россіи и украинскій вопросъ, Спб., 1907 г., стр. 74—75.

4) Парижское изданіе сочиненій Драгоманова, т. I, стр. 253.

рода представительства“ Драгомановъ считалъ „слишкомъ доктринёрскимъ“. Онъ опасался, что такое раздѣленіе могло бы создать въ каждой области своего рода національные централизмы, какъ въ Австріи, очень опасные для другихъ національностей, живущихъ въ данной области¹⁾.

Такъ какъ собственно національныя права ограждаются, по мысли Драгоманова, признаніемъ правъ человѣка и гражданина, которыхъ они составляютъ часть, то поэтому „всякій національный языкъ,—главный и имѣющій наибольшее практическаго значенія признакъ національности,—т.е. языкъ сколько-нибудь значительной группы населенія, должны пользоваться неотъемлемымъ правомъ употребленія въ школахъ, судахъ и другихъ публичныхъ учрежденіяхъ“. Неприкосновенность національныхъ языковъ въ обученіи, особенно начальномъ, достаточно можетъ быть ограждена общиннымъ и уѣзднымъ самоуправленіемъ²⁾.

Отстаивая права каждой національности въ самомъ широкомъ ихъ видѣ, Драгомановъ рѣшительно протестовалъ противъ націонализма, или „національства“, какъ онъ называлъ его по-украински. Свои мысли въ этомъ отношеніи Драгомановъ развилъ въ рядѣ писемъ въ „Народѣ“ за 1891 г., изданныхъ затѣмъ отдѣльно подъ названіемъ „Чудацькі думки“. Название объясняется тѣмъ, что Драгомановъ многихъ изъ читателей приводилъ своими разсужденіями въ недоумѣніе, и они считали его за чудака, а его мысли чудацкими.

„Національность,—говоритъ въ своихъ „Чудацькихъ думкахъ“ Драгомановъ,—это одно, а единеніе національности въ государствѣ—другое. Послѣднее не всегда можетъ вести къ большей свободѣ: мысль о національности можетъ быть причиною и насилія надъ людьми и причиною большой неправды. Она не можетъ поэтому служить основаніемъ для устройства государственныхъ (державныхъ) дѣлъ. Для этого необходимо поискать всемірной правды, которая была бы обща всѣмъ національностямъ. Между тѣмъ существуетъ мнѣніе, что національность это — самая главная вещь для человѣка, а всемірная человѣчность (людскість) это что-то скверное. Въ зависимости отъ этого существуетъ два взгляда на національность. Одинъ признаетъ за каждой національностью право управляться у себя дома, по своему

1) Тамъ же, стр. 263.

2) Тамъ же, т. I, стр. 316.

желанію, и пользоваться во всемъ своимъ національнымъ языкомъ. Другой представляетъ собой какое-то принудительное „національство“, котораго обязанъ держаться каждый человѣкъ, независимо отъ того, хочетъ ли онъ или не хочетъ, и принудительная ненависть къ другимъ національностямъ“. „Говорю,—продолжаетъ Драгомановъ,—какое-то національство, такъ какъ никто не можетъ точно сказать, что это такое, напр., за нѣмецкій разумъ, нѣмецкое сердце. Никто не можетъ точно указать, въ тѣхъ обычаяхъ, какіе вѣками вошли въ жизнь нѣмцевъ, какіе обычаи дѣйствительно принадлежатъ нѣмцамъ, а какіе чужимъ народамъ“. Такимъ образомъ, видно, на какую шаткую почву мы становимся, когда оставляемъ мысль о всемірной чело-вѣчности и становимся на почву принудительнаго „націо-нальства“. Только мысль о всемірной чело-вѣчности (все-свѣтної людськості) можетъ дать самое прочное основаніе для стремленія къ національной вольности.

Націонализмъ, „національство“ можетъ быть свойствен-но не только господствующей, а всякой народности. Между украинцами Драгомановъ также находилъ много „націо-нальства“ и притомъ національства довольно не мирнаго свойства. „Послушайте,—говоритъ онъ,—съ какою нена-вистью говорятъ иногда наши люди про москалей, поля-ковъ, евреевъ, и подумайте, что случилось бы съ тѣми сосѣ-дями нашими на Украинѣ, если бы удалось нашимъ націо-нальникамъ взять управленіе на Украинѣ въ свои руки. Какое бы они имъ „обукраиненіе“ прописали! А пока-что такое людоненавистническое національство вредитъ тѣмъ, что будитъ къ намъ враждебныя чувства и у нашихъ со-сѣдей, тогда какъ теперь, какъ на войнѣ, нужно умень-шать ненависть среди людей, хотя бы такъ, какъ дѣлаетъ это всемірное общество „Краснаго Креста“ въ своей области“.

Мы, конечно, не можемъ здѣсь вдаваться въ болѣе или менѣе подробное изложеніе взглядовъ Драгоманова на раз-личные вопросы, которые выдвигала жизнь и на которые она откликнулась. Онъ, напр., подробно останавливался на польскомъ вопросѣ и написалъ даже обширный политиче-скій трактатъ объ „Исторической Польшѣ и великорусской демократіи“¹⁾). Драгомановъ всесторонне разсматривалъ

1) Парижское изданіе сочиненій Драгоманова, т. I.

вопросъ украинскій ¹⁾, касался вопроса еврейскаго, разрѣшеніе котораго связывалъ съ равноправіемъ евреевъ, обращалъ при этомъ большое вниманіе и на экономическую сторону еврейскаго вопроса ²⁾; много интересныхъ мыслей высказано имъ по вопросамъ: университетскому ³⁾, славянскому, а также о политическихъ и культурныхъ задачахъ Россіи среди славянства и на Ближнемъ Востокѣ ⁴⁾.

Литературные споры Драгоманова съ различными, въ особенности, съ революціонными теченіями въ русской общественной жизни представляетъ собой любопытное явленіе въ исторіи русской политической мысли и даютъ цѣнный матеріалъ для уясненія историческаго хода. Драгомановъ рѣшительно и безусловно отрицательно высказывался противъ появленія множества партійныхъ программъ, которыя, по его мнѣнію, только дробятъ и обезсиливаютъ образованныхъ сторонниковъ прогресса и мѣшаютъ, безъ нужды объединенію ихъ силъ для общаго дѣла.

Для общественныхъ и политическихъ дѣятелей, онъ всегда требовалъ серьезнаго политическаго образованія. Поэтому онъ рѣшительно высказывался противъ преждевременнаго вовлеченія молодежи въ политическую борьбу и считалъ, что „прямой интересъ противниковъ настоящаго политическаго, соціального и культурнаго строя въ Россіи“ заключается въ томъ, чтобы удерживать молодежь отъ преждевременной активной политической дѣятельности и поддерживать въ этой молодежи мысль „о необходимости политическаго образованія (при профессиональномъ, конечно), для политической дѣятельности“ ⁵⁾.

Въ политической дѣятельности Драгомановъ особенно большое значеніе придавалъ этическому элементу. „Чистое дѣло требуетъ чистыхъ средствъ“,—таковъ былъ его девизъ. По поводу мнѣнія, высказаннаго В. А. Зайцевымъ, что „всякій не только революціонеръ, но просто честный человѣкъ, заподозрѣвъ лицо въ шпіонствѣ, не только имѣетъ

1) Въ разныхъ статьяхъ въ парижскомъ изданіи и въ I томѣ московскаго изданія (М., 1908), а также въ „Чудацкихъ думкахъ“, въ „Листахъ на Наддніпрянську Україну“ и въ своей перепискѣ „М. Драгоманов. Листи до Ів. Франка і іншихъ“. Львів. 1906 и слѣд.

2) Парижское изданіе, т. II, стр. 320, 525, 541. Московское изданіе, т. I, стр. 217—267.

3) Парижское изданіе, т. II, стр. 447, 453—465, 658.

4) Въ различныхъ статьяхъ 2-го тома парижскаго изданія.

5) Парижское изданіе сочиненій Драгоманова, т. I, стр. 356 и слѣд.; т. II, стр. 446 и слѣд.

право, но и прямую обязанность высказать открыто это подозрѣніе, хотя бы съ рискомъ обвинить невиннаго“, Драгомановъ выступилъ съ рѣзкимъ и категорическимъ протестомъ. „Нравственно развитое общество,—писалъ онъ,—должно не только требовать нелегкомысленности обвиненій, но также не одобрять и примѣшиванія къ слѣдствію надъ предполагаемымъ шпиономъ личныхъ и, въ частности, своекорыстныхъ цѣлей, а также употребленія, для уличенія заподозрѣнныхъ въ шпионствѣ, шпионскихъ же средствъ“.

Нарушеніе этихъ принциповъ, по мнѣнію Драгоманова, „угрожаетъ образовать даже около самой кристаллической „соли земли“ такую грязь, въ которой не различишь, гдѣ оканчивается прокуроръ свободы, а гдѣ начинается шулеръ и гдѣ оканчивается шпионство революціонное, а гдѣ начинается правительственное“¹⁾.

Драгомановъ былъ безусловнымъ противникомъ и всегда убѣжденно ратовалъ противъ такихъ пріемовъ борьбы, какъ обманъ населенія, самозванство, кража и даже разбой, съ цѣлью добыванія средствъ для революціонной дѣятельности. Онъ доказывалъ непригодность и опасность этихъ средствъ не только съ моральной, но и съ практической точки зрѣнія²⁾. Особенно рѣшительно выступалъ онъ противъ системы террора. „Сколько-нибудь дальновидные политическіе дѣятели, а тѣмъ болѣе сторонники политической свободы,—пишетъ онъ,—должны избѣгать всего, что можетъ имѣть значеніе возведенія убійства въ систему политической борьбы или придать убійству видъ принципиальнаго законнаго дѣйствія“. Это сузило бы самую политическую борьбу, натравивъ ее противъ личностей, а не противъ извѣстнаго порядка; затѣмъ, примѣняя убійство, сторонники политической свободы дѣйствовали бы въ поддержку противнаго имъ принципа. „Неприкосновенность жизни есть, конечно, первое изъ правъ личныхъ, и въ настоящее время наиболѣе развитые люди пришли къ полному и безусловному отрицанію всякаго рода смертной казни, послѣ самыхъ широкихъ гарантій судебной справедливости. Но убійство, по личному замыслу, не можетъ быть ничѣмъ другимъ, кромѣ дѣйствія личнаго произвола, убійство же по постановленію тайнаго политическаго обще-

1) Парижское изданіе сочиненій Драгоманова, т. II, стр. 373—375.

2) Парижское изданіе сочиненій Драгоманова, т. I, стр. 362 и слѣд.; т. II, стр. 285, 344 и слѣд., 369 и слѣд., 378—380.

ства есть прежде всего казнь по приговору тайнаго суда, безъ выслушанія защиты подсудимаго,—суда, котораго члены суть вмѣстѣ и обвинители, и свидѣтели, и судьи, т.-е. дѣйствіе прямо деспотическое. Если убійство по личному замыслу,—продолжаетъ Драгомановъ,—можетъ быть въ извѣстныхъ случаяхъ оправдано вызвавшими его обстоятельствомъ, то представленіе тайнаго суда заговорщиковъ дѣйствіемъ законнымъ не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ только подкапываніемъ въ общественномъ сознаніи идеи о правахъ человѣка и гражданина, которыя, по смыслу понятія о свободѣ, должны стоять выше всего въ общественномъ порядкѣ и нарушеніе которыхъ не можетъ пройти безнаказанно для цѣлаго этого порядка и его развитія, въ первой линіи, именно для тѣхъ общественныхъ элементовъ, которые желаютъ прогрессивнаго развитія общества и которые, какъ находящіеся чаще всего въ меньшинствѣ, всего болѣе нуждаются въ гарантіяхъ своего существованія¹⁾.

На основаніи изученія историческихъ фактовъ, Драгомановъ пришелъ къ заключенію, что „убійства представляютъ для политическихъ партій орудіе обоюдоострое, а потому и мало надежное для дѣла измѣненія извѣстнаго политическаго порядка и установленія другого“. Факты давали Драгоманову, „основаніе ожидать, что въ Россіи монархическая реакція въ трудныхъ для нея обстоятельствахъ сама прибѣгнетъ къ политическимъ убійствамъ и къ расправамъ какихъ-нибудь московскихъ мясниковъ“. Поэтому Драгомановъ заранѣе рекомендовалъ участникамъ организованной борьбы „вмѣсто того, чтобы увлекаться обоюдною политикою страстей и непосредственныхъ чувствъ“, заняться заранѣе широкой пропагандой истинно-свободныхъ политическихъ идей и прочной организаціей для защиты свободныхъ учреждений. Только такимъ образомъ, по его мнѣнію, можно парализовать кровавыя расправы реакціи²⁾. Драгомановъ писалъ это въ 1884 году. Реакція послѣ 1905 г. показала, насколько онъ былъ правъ.

На этомъ мы закончимъ изложеніе его политическихъ взглядовъ. Конечно, мы ихъ далеко не исчерпали; вопроса, напримѣръ, о земскомъ либерализмѣ, его исторіи и значе-

¹⁾ Парижское изданіе сочиненій Драгоманова, т. I, стр. 364—365.

²⁾ Тамъ же, т. I, стр. 371—372.

ніи для исторіи освободительнаго движенія, какъ его представлялъ Драгомановъ, мы совершенно не касались; не касались мы и мнѣній Драгоманова объ организаціи, равно какъ о силѣ и значеніи общественнаго мнѣнія. „Единодушное отрицаніе стараго порядка и отчетливое требованіе новыхъ учреждений, вполнѣ ясно сознаваемыхъ обществомъ, всегда,—думаетъ онъ,—обезоруживало самыя реакціонныя правительства“¹⁾. Мимо цѣлаго ряда другихъ вопросовъ, которыхъ касался Драгомановъ, мы также прошли мимо, такъ какъ статья наша и безъ того сильно разрослась.

Мы не имѣли въ виду, какъ уже раньше говорили, сдѣлать критическій разборъ политическихъ взглядовъ Драгоманова. Намъ только хотѣлось отмѣтить важность взглядовъ Драгоманова для политическаго воспитанія разныхъ народностей, живущихъ въ предѣлахъ Россіи. Политическіе взгляды Драгоманова и его сочиненія особенно, думается намъ, важны потому, что они лишены доктринерства. Драгомановъ высказывалъ сужденія, рѣшалъ вопросы общественной жизни и намѣчалъ программы, ни на минуту не упуская изъ виду исторіи, западно-европейскаго опыта и дѣйствительнаго соотношенія общественныхъ силъ въ Россіи и группировки ихъ въ болѣе или менѣе ближайшемъ будущемъ. Если сравнить поэтому мнѣнія М. П. Драгоманова и программы, намѣченныя имъ, съ тѣми мнѣніями и программами, которыя были выдвинуты и намѣчались еще въ недавнее время, то, конечно, послѣднія окажутся гораздо шире, но зато при существующихъ условіяхъ жизни и менѣе исполнимыми.

Нельзя не согласиться съ М. П. Драгомановымъ, что широкая постановка программы, внѣ условій времени и мѣста, приводитъ къ не совсѣмъ нормальнымъ послѣдствіямъ. Невозможность сразу осуществить все то, чего требуетъ теорія, „ведетъ за собою сначала реакцію,—говоритъ Драгомановъ,—а потомъ вредный оппортюнизмъ, т.-е. уступчивость качественную, а не количественную“. Современныя событія русской жизни какъ нельзя болѣе ясно подтверждаютъ справедливость словъ М. П. Драгоманова. Въ дѣлѣ реформы, по его мнѣнію, главнымъ должно быть „ясное опредѣленіе направленія, въ какомъ безпово-

1) Тамъ же, т. II, стр. 837.

ротно должны быть дѣлаемы реформы, сообразно росту общественнаго сознанія“¹⁾).

Самому факту народнаго представительства Драгомановъ придавалъ большое значеніе. Отстаивая всеобщее избирательное право, онъ тѣмъ не менѣе находилъ, что какое бы ни было по составу народное представительство, оно будетъ все-таки лучшимъ инициаторомъ реформъ, чѣмъ чиновники.

Найдемъ мы много и ошибокъ у Драгоманова но то обстоятельство, что многія изъ его сочиненій сдѣлались прямо-таки пророческими для Россіи черезъ 25 лѣтъ, свидѣтельствуетъ о томъ, что въ Драгомановѣ мы имѣемъ крупнаго и глубокаго политическаго знатока и мыслителя, сочиненія котораго полезно изучать политическимъ дѣятелямъ въ Россіи. Многія его статьи и до сихъ поръ не потеряли своей свѣжести, написаны точно вчера. Такъ мало еще въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ ушла впередъ наша политическая жизнь, такъ много сохранилось въ ней стараго, противъ чего еще четверть вѣка тому назадъ боролся М. П. Драгомановъ.

Н. В.

¹⁾ Тамъ же, т. I, стр. 266.